

СТРАТЕГИЯ РУССКОЙ АРМИИ В КАВКАЗСКИХ ВОЙНАХ XVIII—XIX ВЕКОВ

ВКЛЮЧЕНИЕ Кавказа в состав Российской Империи представляло собой сложный процесс, в котором переплелись межгосударственные столкновения (войны с Персией, Турцией), религиозные конфликты, колониальная экспансия, вооруженные проявления социального протеста, феодальные и межплеменные междоусобицы. Кроме того, в течение двух веков русской армии пришлось действовать в особой обстановке приграничья, причем последний термин имеет не столько территориальное, сколько военно-оперативное значение. Практически во всех точках непосредственных контактов русской армии с воинственным населением Северного Кавказа существовала напряженность, регулярно разряжавшаяся в вооруженных столкновениях разного масштаба.

Европейские основы стратегии оказались малоприспособленными на Северном Кавказе. Русские войска брали аулы, считавшиеся оплотом неприятеля, — Салты, Гимры, Гергебиль, Ведено, Ахульго и даже Дарго — столицу Шамиля, но заметных признаков поражения в рядах горцев не наблюдалось. Потребовалось несколько десятилетий военных действий, чтобы прийти к выводу, обозначенному следующими словами офицера — участника боев в Дагестане: «В этой стране не существует такого центрального пункта, занятие которого решило бы ее завоевание. Кавказские племена лишь в весьма ничтожной степени находятся в зависимости друг от друга и в политическом и в материальном отношении...»¹. В рескрипте главнокомандующему А.И. Нейдгардту от 18 декабря 1843 года Николай I предписывал «разбить все скопища Шамиля, разрушить все его военные заведения, овладеть всеми важнейшими пунктами в горах и укрепить те из них, занятие которых будет признано нужным»². Тогда же в собственноручной записке на имя военного министра генерала от кавалерии А.И. Чернышева император указал на необходимость «проникнуть в центр владычества Шамиля и в нем утвердиться». В столице, судя по всему, не представляли, что такого центра просто не существует³.

Сходные задачи были поставлены и перед следующим командующим М.С. Воронцовым при подготовке Даргинской экспедиции 1845 года. Полагали, что Шамиль у ворот своей резиденции обязательно даст генеральное сражение, в котором возьмут верх регулярные войска. «Если предполагали, что горцы, устрасшись нашего отряда, и, потеряв свою плетневую столицу, пришлют к нам депутатов с просьбой о мире и пощаде, то такое

предложение вполне было достойно смеха», — писал спустя много лет участник этого похода⁴. Отсутствие у северокавказских народов военной организации европейского типа не позволяло закончить войну одним решительным ударом. Рассеивать горцев было совершенно бессмысленно, так как, в случае надобности, они сами легко рассредоточивались, а затем собирались вновь, в то время как для возрождения европейской армии требовались колоссальные организационные усилия, финансовые затраты и продолжительное время.

От горцев пытались отгородиться укрепленными линиями, что было данью традиции, восходящей к засечным чертам XV—XVII вв. Так появились Азово-Моздокская (1770—1780); Кубанская (1792); Сунженская (1817—1828); Лезгинская (1830—1857); Черноморская береговая (1837—1839); Лабинская (1840); Белореченская (1860) линии⁵. Однако гарнизоны крепостей, формируемые из пехоты, были бессильны при преследовании конных отрядов противника, а при размещении в фортах кавалерии возникали практически не-

ний в него приходилось организовывать настоящие боевые операции и границы влияния этого укрепления ограничивались дальностью прямого выстрела⁷. Горный рельеф, отсутствие дорог и оборонительная стратегия создавали на Северном Кавказе парадоксальную ситуацию: чем больше аулов соглашались дать присягу, тем отчаяннее оказывалось положение командования, вынужденного для защиты присягнувших рассеивать свои и без того ограниченные силы. Так, командующий войсками левого фланга Кавказской линии в 1841 году в рапорте о необходимости отправки двух рот для защиты аула Эндирей от сил Шамиля как бы даже сожалел о том, что этот пункт еще не охвачен восстанием⁸.

Не дали желаемого результата и экспедиции, в которых обычно участвовало несколько батальонов пехоты в сопровождении 2—3 сотен казаков, туземной милиции и нескольких пушек. Все операции такого характера выглядели примерно одинаково. Войска двигались к непокорному аулу, с боями преодолевая завалы, которые устраивали на их пути горцы. Глубина проникновения на вражескую терри-

ЕВРОПЕЙСКИЕ основы стратегии оказались малоприспособленными на Северном Кавказе. Русские войска брали аулы, считавшиеся оплотом неприятеля, — Салты, Гимры, Гергебиль, Ведено, Ахульго и даже Дарго — столицу Шамиля, но заметных признаков поражения в рядах горцев не наблюдалось

разрешимые проблемы содержания лошадей (конюшни, пожароопасные сеновалы, покосы, пастбища, водопой). Военное руководство прекрасно осознавало всю невыгодность кордонной стратегии, но было вынуждено пойти на такую меру. Во-первых, это все же сковывало участников набегов, особенно когда они возвращались с добычей; во-вторых, достаточно четко очерчивалась зона ответственности военных за безопасность — маркировалась линия, отделявшая фронт от тыла; в-третьих, при абсолютной невозможности различать мирных и немирных горцев по внешним признакам линия станиц и крепостей делала это территориально. Мало что давало и устройство укреплений в стратегически важных точках «для указания предела или окраины занятой нами территории»⁹. При этом не афишировалось то обстоятельство, что гарнизон такого форта в большинстве случаев днем и ночью ждал нападения, что для доставки припасов и подкрепле-

торию зависела от планов командования, от запасов провианта и множества других обстоятельств. Если добывались объявления о покорности, возвращались к месту дислокации без особых проблем. Если горцы решали оказать сопротивление, войска разоряли аул и начинали отступление, отбиваясь от наседавшего противника⁹. «Ураганом проносились по горским землям, особенно по Чечне и Дагестану, большие отряды русских войск, оставляя за собой кровавые следы и груды развалин. Ряд кровопролитных битв и блестящих единичных подвигов, масса убитых и раненых и наш материальный ущерб — вот, в сущности, результаты старых экспедиций, после которых спокойствие края считалось утвержденным...», — писал о таких операциях их участник¹⁰. Чтобы хоть как-то оправдать эти безрезультатные походы, командование заявляло, что они являлись средством убеждения местного населения в тщетности надежд на неприступность их гор¹¹.

Неэффективность крупных экспедиций, кордонов и устройств крепостей в ключевых пунктах подталкивали кавказское командование к использованию туземной стратегии — экзекуционных и превентивных набегов, именованных в документах то-

ции всех типов, взаимно дополняя друг друга. Однако реализация этих разумных стратегических установок мешало то обстоятельство, что в Петербурге, по крайней мере, до середины 1840-х годов завоевание Кавказа исчисляли в месяцах, а верное,

коля I, в особо невыгодном свете представляли деятельность его военачальников. При всех главнокомандующих на Кавказе практиковались набеги, проводились экспедиции, укреплялись кордонные линии, возводились в ключевых точках форты, предпринимались попытки разгромить врага в решительном сражении. Все старшие начальники в той или иной степени понимали значения экономической блокады непокорных районов, сведения лесов, строительства дорог, выселения горцев на равнину и основания на их землях казачьих станиц. На самом же деле, сначала перелом в ходе войны, а затем и победа стали следствием систематического, продуманного использования всех перечисленных мер, следствием отказа от метания от одной стратегической крайности в другую. Именно это позволило на рубеже 1850—1860-х гг., по словам генерала А.А. Вельяминова, «убедить горцев в превосходстве нашего оружия».

НАЧИНАЯ с 1861 года войска после экспедиции не расходились, как ранее, по своим штаб-квартирам, а оставались на захваченных рубежах, оборудуя себе жилье в горах

го времени «частными экспедициями». Генерал А.А. Вельяминов открыто писал военному министру в 1832 году, что такие набеги «могут более или менее способствовать к покорению горцев, если будут успешны...»¹². Подобных взглядов придерживались и многие другие кавказские военачальники, в том числе и командир Отдельного кавказского корпуса Е.А. Головин, признававший в 1841 году, что превентивные разорительные набеги являются единственным действенным средством для удержания горцев от нападений¹³. Однако даже те, кто не питал никаких иллюзий по поводу возможности заключения мирного соглашения, отдавали себе отчет в том, что подобные набеги не приближали момента установления российской власти на Северном Кавказе¹⁴. В начале 1850-х годов опробовали следующий метод: отряд численностью более 10 тыс. человек, медленно передвигаясь, создавал что-то наподобие подвижной крепости. Из нее совершались быстрые удары небольшими группами в различных направлениях с быстрыми отходами под прикрытие остальных войск¹⁵. «Набеговая» стратегия вела к своеобразной «приватизации» войны, превращению ее в нескончаемую средневековую междоусобицу. Солдаты и офицеры начинали воспринимать боевые действия как свое личное дело, а не выполнение приказа¹⁶. Тем более что при встрече с сильной группой правительственных войск представители противника успешно выдавали себя за мирных жителей¹⁷.

«Стеснение» горцев с помощью казачьих станиц, переселение их на равнину также являлось центральной мыслью многих стратегических планов. Начальник штаба Кавказского корпуса А.А. Вельяминов еще в 1828 году представил военному министру записку «Способ ускорить покорение горцев», центральное место в котором занимало устройство 34 крупных станиц. Продвигать линию казачьих станиц в горы предлагал в 1854 году генерал Н.Н. Муравьев¹⁸, в 1858 году — будущий военный министр Д.А. Милютин¹⁹. При этом горцев предполагалось выселить на прикубанскую низменность или даже на Дон. Осознание того, что каким-то одним способом нельзя покорить Чечню и Дагестан, пришло к кавказскому командованию уже в 1820-е годы. Генерал Вельяминов тогда говорил о необходимости вести «правильную осаду», в которой присутствовали бы опера-

но медленное умиротворение Чечни, Дагестана и Черкесии требовало нескольких лет. О том, что у правительства и у руководства военного ведомства долго сохранялись туманные представления о характере войны с горцами, свидетельствует появление в 1829 году плана «Общего поиска для приведения в покорность кавказских племен». Войска, оставшиеся не у дел после окончания Русско-турецкой войны, должны были по пути из Армении на родину, ударом с нескольких направлений за 2—3 месяца покончить с непокорными племенами от Анапы до Дербента²⁰. Разрабатывались и другие подобные творения штабной мысли, например, составленный Ф.А. Паскевичем в 1832 году план гигантской облавы на черкесов²¹. Военный министр граф А.И. Чернышев, приехавший на Кавказ в 1842 году, предложил «тотальную» кордонную систему — запретить постами все выходы из гор. Несостоятельность этого проекта оказалась столь очевидной, что он был тихо похоронен до вступления в фазу обсуждения²². Важной составной частью стратегии «правильной осады» была массивированная рубка леса. Прокладку широких просек и дорог можно уподобить сагам — траншеям, служившим для сравнительно безопасного приближения к стенам крепости на расстоянии последнего броска. В конце войны в российской стратегии появилось еще одно важное новшество. Начиная с 1861 года войска после экспедиции не расходились, как ранее, по своим штаб-квартирам, а оставались на захваченных рубежах, оборудуя себе жилье в горах²³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воспоминания графа К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 г. // Русская старина. 1911. Т. 145. С. 274.

² Цит. по: Юров А. 1844-й год на Кавказе // Кавказский Сборник. Т. 7. С. 158.

³ Рожевуский А. 1845-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. 6. С. 232, 236.

⁴ Экспедиция в Дарго (1845 г.) (Из дневника офицера Курина полка) // Кавказский Сборник. Т. 2. С. 129.

⁵ Сборник статистических сведений по Ставропольской губернии. Ставрополь, 1869. Вып. 2. С. 5—49.

⁶ Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский Сборник. Т. 10. С. 96.

⁷ Там же. С. 96, 97.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 6. Д. 267. Л. 43, 44.

⁹ Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. XVII. Ф. 43: Отрывки из описаний военных действий 1842 года на Кавказской линии, в Северном Дагестане. Л. 55—96.

¹⁰ Юров А. 1843-й год на Кавказе // Кавказский Сборник. Т. 6. С. 4.

¹¹ РГВИА. Ф. 846. Д. 6363. Л. 24.

¹² Н.Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский Сборник. 1883. Т. 7. С. 6.

¹³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 267. Л. 8.

¹⁴ Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 году // Кавказский Сборник. Т. 5. С. 71.

¹⁵ Там же. С. 9, 16—18.

¹⁶ РГВИА. Ф. 846. Т. 1. Д. 6266. Л. 2.

ПЕРЕЛОМ в ходе войны, а затем и победа стали следствием отказа от метания от одной стратегической крайности в другую

В отечественной историографии утвердилась схема, согласно которой правильная стратегия «осады» была применена А.П. Ермоловым. Его преемники от таковой отказались и потому терпели неудачи. Положение исправил А.И. Барятинский, вернувшийся к ермоловским методам и победоносно завершивший войну. Вышеуказанная схема не столько отражение реалий, сколько очень уязвимая конструкция, созданная историками еще во второй половине XIX века. Они, увлеченные критикой царствования Ни-

¹⁷ Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления Императрицы Екатерины II. Нальчик, 1996. Т. 2. С. 215, 216.

¹⁸ Акты Кавказской Археографической Комиссии. Т. 11. С. 66.

¹⁹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 351. 1858 г. Л. 3—12.

²⁰ Там же. Ф. 846. Т. 2. Д. 6244. Л. 20, 35—46.

²¹ Филиппон Г.И. Воспоминания. М., 1885. С. 120, 121.

²² Там же. С. 276, 277.

²³ Гейнс К. Пшехский отряд // Кавказский Сборник. Т. 8. С. 401.

В.В. ЛАПИН